

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Кашлявик Киры Юрьевны «Поэтика прозы Блеза Паскаля», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Язык программирования, мыслящий тростник, нос Клеопатры, математическое ожидание – эти понятия хорошо известны в определенных кругах, однако они не всегда соотносятся с их создателем – Блезом Паскалем, чья короткая жизнь оставила столь значимый след в физике, математике, программировании, философии и филологии. Несмотря на то, что во Франции Паскалю посвящены тысячи работ, его творчество продолжает будоражить умы пытливых ученых, стремящихся постичь его тайну, найти заветный ключ. Российское паскалеведение значительно беднее: за исключением монографий Г.Я.Стрельцовой и Б.Н.Тарасова можно насчитать несколько десятков статей, обращающихся к разным аспектам его деятельности, но никогда не рассматривающих все творчество в совокупности, что и объясняет научную новизну рассматриваемого исследования.

Актуальность диссертационной работы Кашлявик К.Ю. определяется не тем, что «в России за прошедшие 75 лет не было написано отдельного исследования, посвященного поэтике Паскаля», как пишет сам автор – в этом научная новизна -, а тем, что Паскаль находит своих внимательных читателей на протяжении всех прошедших столетий. В XVIII веке с ним полемизируют Вольтер и Дидро, однако оба пишут свои «Мысли», как и Монтескье, явно под его влиянием; в XIX столетии им увлекается Бодлер, зачитывается Толстой, творчески воспринимает Достоевский; в XX веке «школу паскалевских мыслей» проходит не только Камю, которому принадлежит это меткое выражение, но и Жионо, Мориак, Мережковский, Шестов, Бердяев.... Настало время понять в чем причина магии слова

Паскаля, одинаково зачаровывающей католиков и православных, деистов и атеистов. Паскаль не был радикален и оригинален, зачастую повторяя то, что было высказано прежде. На мой взгляд, шарм Паскаля именно в поэтических особенностях его творчества, в его образном мышлении, в умении преподнести мысль в парадоксальной запоминающейся форме. Именно поэтому тема диссертационного исследования Кашлявик К.Ю. представляется мне крайне продуктивной для постижения алхимии творчества Паскаля. Близок мне и подход к изучению проблемы – рассмотреть все произведения Паскаля в их художественной целостности. Я убеждена в том, что адекватно перевести «Мысли» можно лишь учитывая знаковый трактат «О геометрическом уме», равно как и все научные произведения ученого. Увы, пока переводчикам сделать это не удалось, и мы все еще ожидаем «русского Паскаля»! Абсолютно верной мне представляется и задача, которую ставит перед собой ученый: представить различные произведения Паскаля как единый текст, для чего необходимо апеллировать к биографии автора. Очевидно, что для изучения «Мыслей» надо обратиться к текстологии и изучить их архитектонику – задача не из легких, учитывая отсутствие единого текста. Согласно точному наблюдению С.С.Аверинцева, произведение оказалось незавершенным не только из-за смерти автора, но и по «каким-то собственным внутренним законам», в связи с чем необходимо попытаться понять эти внутренние законы, к чему и стремится автор диссертационного исследования. Вызывают одобрение и положения, выносимые на защиту, как то: разножанровые паскалевские произведения имеют единый художественный код и должны быть исследованы как единый «паскалевский текст»; математический ум Паскаля ведет к созданию музыкального поэтического текста. Не могу не привести любопытный факт: в своей статье «Является ли математика поэзией?» Джеймс Хенл (Henle James. Is (Some) Mathematics Poetry? Journal of Humanistic Mathematics Vol 1, No 1, January 2011P. 94-1001), приведя арифметический треугольник Паскаля, восклицает: «Если это не математическая поэзия, то я не знаю

тогда, что это!» Будучи поэтом в математике, Паскаль был математиком в поэзии.

К.Ю.Кашлявик справедливо много интересно и обоснованно размышляет о таком важнейшем для Паскаля понятии, как понятие «порядка» - ordre. Этот же порядок отличает и само диссертационное исследование. Глава 1 «Паскалевский текст» и подходы к его исследованию» закладывает базу: в ней речь идет об истории создания «Мыслей», главного произведения Паскаля, об их изданиях, определяется корпус «паскалевского текста». Глава хорошо написана, убедительно выстроена, однако вряд ли необходимо было приводить полный перечень произведений Паскаля в тексте работы (с. 63-67), это можно было бы вынести в приложение. Не совсем обоснованный представляется и деление произведений на группы (с. 67) «исходя из системы жанров, сложившейся во французской литературе XVII». Система жанров во Франции XVII века предусматривала деление на высокие и низкие жанры, к высоким, как это хорошо известно, относились трагедия, эпопея, ода, к низким – комедия, басня, роман. Как эта жанровая система может быть применима к творчеству Паскаля? Да и сами эти пять групп выглядят странно – эпистолярные, научные, теологические, полемические, литературные, при этом к последней группе относятся письма (что же тогда остается в первой?), «Письма к провинциальному» – разве это одновременно не полемическое и теологическое произведение? Почему к литературным произведениям относится «Беседа об Эпиктете и Монтене», но не «Беседа о положении сильных мира сего» или «Мемориал»? Полагаю, что продуктивнее было бы учитывать доминанту текста, тогда групп было бы три: эпистолярное наследие, научные трактаты и философские произведения, причем литературно-художественная составляющая присутствует во всех. Выражу и свое сожаление: из всех произведений, отнесенных автором диссертации к литературной группе, в работе рассматриваются только два, правда, самые яркие и значимые, но и самые изученные и известные. Мне особенно жаль, что К.Ю.Кашлявик обошла своим вниманием «О

геометрическом уме» - текст небольшой, но являющийся, на мой взгляд, ключом к пониманию всего Паскаля.

Вторая глава «Паскаль биографический» погружает нас в историко-литературный контекст, знакомит с семейством Паскалей, кругом чтения, затрагивает такие важные вопросы, как Паскаль и Монтень, Паскаль и музыка, становление авторского голоса. Думается что можно было бы сократить подробную информацию от отца и об изображениях, представляющую несомненный интерес, но избыточную в диссертационном исследовании.

Особенно мне хотелось бы отметить параграф о музыке – тонко и точно выстроенный. Классическое паскалевское разделение *esprit de finesse* и *esprit géometrique* (Лафюма, 512) в этом фрагменте диссертации проявляется наиболее ярко и используется наиболее продуктивно: начав с «геометрических истин» об истории музыки и ее значении в эпоху Паскаля и в его окружении, К.Ю.Кашлявик тонко анализирует музыкальную составляющую в произведениях Паскаля, широко использовавшего ассонансы и аллитерации. Жаль, что фрагмент этот довольно краток – можно было и в дальнейшем, при анализе стиля «Провинциалий» и «Мыслей» уделить больше внимания звукописи и ритмичности паскалевской прозы.

Возражение вызывает, однако, следующее утверждение на с. 135: «В «Мыслях встречаются также разные размеры строф». Во-первых, размер и строфа – разные явления, во-вторых,alexандрийский стих никак не может быть назван строфой, а в-третьих, в приведенных примерах никакой строфичности не наблюдается (было бы, впрочем, странно увидеть ее в прозе!). Другое дело – размер и ритм, которые можно было бы проанализировать более детально.

Интересен и хорошо выстроен и последний параграф, в котором анализируется письмо по случаю смерти отца, сочетающее элементы исповеди и самоотчета, как метко замечает автор диссертации,

Глава третья анализирует диалогическую поэтику в «Письмах к провинциальному», изучать которые невозможно, не обратившись к теологическим спорам века (первый параграф) и к янсенизму в целом. Хочется похвалить К.Ю.Кашлявик за весьма информативный аналитический обзор янсенизма и за интересный комментарий псевдонима Паскаля, а вот абреже всех восемнадцати писем на с. 230-234 мне кажется лишним – ведь принадлежат они не самому Паскалю. К сожалению, поэзологические особенности писем проанализированы не основательно, многие интересные утверждения остаются бездоказательными, например, о сократовской иронии или о тяготении к режиссированию, драматизации (с. 247), а верно и справедливо выделенные приемы создания комического (с. 248-249) укладываются на одну страницу, ирония же вообще занимает один абзац. Читатель не убеждается после прочтения главы в том, что «Провинциальные письма» на протяжении веков считаются непревзойденным образцом сатирической прозы.

К.Ю.Кашлявик обращает внимание на изменения адресанта писем: с 1 по 10 они обращены к провинциальному, с 11 по 16 – отцам иезуитам, а 17-18 – к отцу Анна, но не анализирует этот интересный факт перехода от общего к частному, от широких масс, представленных провинциалом, к конкретному участнику спора. При анализе персонажей писем можно было обратить внимание на их анонимность, что ведет к абстрактности и будет в дальнейшем являться характерной чертой французского философского романа XVIII века. Так, в «Персидских письмах» Монтескье названы имена лишь персов, при этом ни один француз – главный объект сатиры – не назван по имени.

Главный интерес и достоинство этой главы в том, что она знакомит русскоязычного читателя с этим практически неизвестным в России произведением Паскаля, и уже одно это достойно похвалы.

Настоящей жемчужиной исследования обещает стать последняя глава с интригующим названием – «Поэтика «прерванного текста» «Мыслей». Опять

же, как и в параграфе о музыке, можно отметить поистине паскалевское построение: от конкретного и математически точного к тонкому, не лежащему на поверхности: начав с самого понятия «прерванного текста», с непростой попытки определить жанровую принадлежность произведения, с выделения «порядка» и «беспорядка» в архитектонике, К.Ю.Кашлявик переходит к анализу стиля на примере фрагмента «О трех порядках». Анализу очень тонкому и глубокому, в котором проявляется не только превосходная филологическая база, но и детальное знание теологической составляющей, истории эпохи. Сожаление вызывает лишь то, что подобный высоконаучный анализ применен лишь к одному фрагменту! Как было бы интересно и продуктивно для темы работы проанализировать пари Паскаля в связи с той диалогичностью произведения, о которой пишет автор работы, а также с учетом теории математического ожидания! Или же, напротив, выделив характерные черты поэтики, подкрепить их примерами и анализом из всего корпуса «Мыслей»! Конечно, можно вспомнить знаменитое выражение *sapienti sat*, однако почему-то хочется, как Оливеру Твисту в работном доме, попросить добавки.

Воздействие Паскаля-математика и стремление к упорядочиванию заставляют К.Ю.Кашлявик выделить литературную и теологическую части – деление весьма сомнительное, более того, противоречащее предыдущим утверждениям исследователя о неразрывной связи биографического и творческого у Паскаля – идея Бога и бессмертия пронизывает все сочинение, написанное с удивительным художественным мастерством. Паскаль, как позднее Флобер, исходит из единства мысли и слова, пытаясь найти для каждой мысли единственное адекватное выражение. На с. 289 появляется следующее утверждение: «здесь найден стилистический регистр – порядок сердца, необходимый для доказательного разговора с равнодушным к религии человеком». Однако о том, что представляет собой этот стилистический регистр, в чем его особенность, каковы его черты нигде не говорится.

При анализе можно было бы обратиться к характерной для паскалевских «Мыслей» оппозиции между барочным мировоззрением и его классицистическим выражением, между растерянностью и потерянностью человека без Бога, которого так страшит безмолвие бесконечных пространств, который осознает себя слабым тростником перед лицом Вселенной и той определенностью и уверенностью, которую дает вера в Бога, между образностью, перифрастичностью и метафоричностью и стройностью, ясностью и упорядоченностью. Мне кажется, это дало бы возможность лучше осознать оригинальность поэтики Паскаля.

Сожаление вызывает и тот факт, что, прекрасно понимая тексты Паскаля и блестяще их анализируя, К.Ю.Кашлявик оперирует неважным переводом Ю.Гинзбург, нигде не исправляя неточности переводчика. Это касается, прежде всего, самого слова *ordre*, переведенного как «порядок». Для русского читателя первое значение слова *порядок* – «совокупность предметов, стоящих по ряду, рядом, ... /.../ не вразброс, не враскид» (словарь В.Даля), но ведь Паскаль имеет в виду совсем иное: под его «порядком» надо видеть распределение по классам, сословиям, категориям – все эти значения К.Ю.Кашлявик анализирует, будучи знатоком паскалевского текста. Лексему «порядок», конечно, можно оставить в переводе, но в таком случае она требует основательного комментария. Быть может, более удачно было бы употребить математический термин «порядок величин», который, как мне кажется, вполне уместен в тексте Паскаля и более точно определяет, о чем идет речь. В первой строке анализируемого отрывка появляется лексема *charité*, переведенная как «любовь», что в корне неверно. Теологическое значение *charité* – *amour surnaturel envers Dieu ou envers le prochain en tant que créature de dieu rachetée par la mort de Jesus-Christ* (Larousse lexis), что и подтверждается уточнением Паскаля: *car elle est surnaturelle* – ключевое слово, которым завершается весь фрагмент в целом. Перевод же *misère* как «несчастья» разрушает оппозицию Паскаля – *misère et grandeur*: речь идет не о несчастье и величии, но о ничтожестве и величии! Равно как и уже не раз

мною упомянутое разделение Паскаля между *esprit géometrique* и *esprit de finesse*: последний Ю.Гинзбург переводит как «ум светский», что не имеет никакого отношения к Паскалю! Конечно, замечания относятся к переводчику, но, мне кажется, что в работе такого уровня, претендующей на изучение поэтики, каждое слово важно! Ведь научные работы как раз и призваны исправлять ошибки переводчиков, давать возможность для более адекватного переложения оригинального текста на иностранном языке.

В качестве несомненного достоинства работы следует отметить широкий историко-философский контекст, в который помещен Паскаль: это не только его «современники» (Декарт, Боссюэ, Николь, Арно и др), но и предшественники (Монтень, Рабле, влиянии которых на творчество Паскаля пишется хотя и не много, но убедительно и основательно). Однако, может быть, было бы продуктивно, размышляя о названиях и жанровой специфике «Писем к провинциальному» и «Мыслей», обратиться к традиции названий. Жанр письма станет популярным в конце XVII века, почему же Паскаль именно так называет свое произведение? Были ли у него предшественники? В 1627 г. Nicolas Faret публикует *«Recueil de lettres nouvelles»*, 1632 г. Puget De la Serre – *«Recueil de lettres morales»*; в 1635 г. Jacques du Bosc – *«Nouveau recueil de lettres»*; в 1650 появляются письма Вуатюра; в 1654 – Сирено де Бержерака. Любопытна и традиция *pensées* (рассматривая этимологию и значение слова К.Ю.Кашлявик почему-то не останавливается на истории жанра, берущего начало еще от Марка Аврелия): Puget de la Serre, историограф Франции, публикует *«Les douces pensées de la mort»* (1627) и *«Les pensées de l'éternité»* (1628). В 1663 г. на латинском языке выходят *Pensées métaphysiques (Cogitata Metaphysica)* Спинозы, которые могли повлиять как на название, данное, как известно, издателями в 1670 г., так и на ту структуру, которая в дальнейшем была неоднократно предложена читателям: первая часть – о существовании человека, вторая – о Боге.

Мое последнее замечание касается некоторых небрежностей, которые встречаются в работе, несмотря на ее очень высокий профессиональный

⁸ Puget de la Serre, историограф Франции, публикует *«Les douces pensées de la mort»* в 1627 г. и *«Les pensées de l'éternité»* в 1628 г. Монтичелли, в 1663 г. на латинском языке выходит *Pensées métaphysiques (Cogitata Metaphysica)* Спинозы.

уровень. Досадно, что К.Ю.Кашлявик повторяет давно утвердившееся в литературе, но абсолютно неверное утверждение, что впервые отрывки из Паскаля были опубликованы в «Утреннем свете» Н.И.Новикова (с. 17). В антологии «Паскаль: Pro et Contra» (2013) была опубликована статья С.В.Власова «Первое знакомство с «Мнениями Паскаля» в России: перевод Псевдо-Паскаля в «Утреннем свете» Н.И.Новикова (1779), которая доказывает отсутствие какого бы то ни было присутствия Паскаля в этом издании! Вызывает недоумение и утверждение того, что И.Бутовский переводит «Мысли» в целостном виде (с. 17): он перевел лишь отрывки из произведения Паскаля. С.Долгов взял за основу вовсе не версию Э.Авэ (с. 18), а О.Хома не является переводчиком «Писем к провинциальному» (с. 192), а перерабатывает перевод А.И. Попова, вышедший впервые в Санкт-Петербурге в 1898 г.

Однако подобные мелкие недочеты, хотя и досадны, но вполне возможны в работе, где превосходно обобщен и проанализирован огромнейший и богатейший материал мирового, прежде всего французского, паскалеведения. Высказанные замечания и размышления свидетельствуют лишь о том большом интересе, который вызвала докторская диссертация К.Ю.Кашлявик, заслуживающей похвалы и уважения уже за то, что она отважилась взяться за столь непростую тему и довести свое исследование до конца.

Главным достоинством докторской диссертации я бы назвала некое «стяжение» докторантром обнаруженных в творчестве Паскаля тенденций в узел, рассмотрение мотивов, образов, приемов в общем контексте творчества, биографии и философии писателя. В результате этой работы выстраивается достаточно убедительная и стройная система «единого паскалевского текста».

Заключая отзыв на докторскую диссертацию К.Ю.Кашлявик, необходимо отметить, что ее докторская диссертация является завершенным, самостоятельным исследованием.

Докторское исследование Кашлявик Киры Юрьевны «Поэтика прозы Блеза Паскаля» соответствует критериям, установленным Положением

о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней»), а его автор, Кашлявик Кира Юрьевна , заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

17.09.15

Официальный оппонент –

Д.Ф.Н., профессор кафедры истории зарубежных литератур

Филологического факультета СПбГУ

Алташина В.Д.

Проректор по обеспечению реализации образовательных программ и осуществлению научной деятельности по направлениям востоковедение, африканистика, искусства и филология

С.И.Богданов